



Г. А. Меликишвили

НОВАЯ УРАРТСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ИРАНСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Иранист Р. К. Кикнадзе недавно указал нам на вышедшую в 1953 г. в Тегеране книгу профессора Тавризского университета Мохаммед Джавад Машкура «*Тарих-е-мардом-е Урарту*» («История народа Урарту»), которая содержит также небольшое послесловие на английском языке, написанное Ричардом Фреем¹. По сообщению проф. Фрея, на территории Иранского Азербайджана, в крайних северных горных областях Ирана, в области Arasbaran или Qaraja Dagh, к северу от поселения Sendel (в пяти км от административного центра Varzaqan), была открыта не известная до сих пор наскальная урартская десятистрочная надпись. Она имеет в высоту 115 см и в длину — 47 см.

Впервые информацию об этой надписи проф. Машкур опубликовал в персидском журнале «Danesh» (II, 1950, №№ 5 и 6). Здесь же помещен фотоснимок, на котором отражена примерно четвертая часть надписи.

Сфотографировать целиком всю надпись в то время не удалось, так как три четверти ее были покрыты слоем земли. Из-за дальности и труднодоступности места, где находится надпись, проф. Машкуру удалось добраться до надписи лишь весной 1953 г. (когда земля освободилась от снега и дороги стали проходимыми)². С двумя спутниками он посетил это место, очистил надпись от слоя земли, сделал ее фотоснимок и зарисовку.

Но, к сожалению, в книге проф. Машкура помещена лишь зарисовка (автография) надписи; выполненная неспециалистом, а также, возможно, ввиду того, что некоторые места надписи, вероятно, плохо сохранились, автография эта, видимо, весьма неточна: форма знаков искажена, знаки спутаны между собой, порой клинья опущены или же приведены лишние клинья (видимо, в некоторых случаях естественные углубления на скале были приняты зарисовщиком за клинья) и т. д.

¹ M o h a m m a d J a v ā d M a s h k u r, The History of Urartu Nation and the Discovery of an Urartu Inscription in Iranian Azerbaijan. With a Survey Report in English by Dr. Richard N. F r e e, Tehran, 1953.

² В окрестностях местонахождения надписи имеются следы древних поселений. По сообщениям местных жителей, здесь были открыты древние погребения (принадлежавшие, по их словам, «габурам», т. е. «гяурам», «пещерным»), в которых были найдены керамические изделия и бронзовые предметы. Некоторые из этих предметов проф. Машкур приобрел на месте и затем передал Музею факультета искусств в Тавризе (фотоснимки некоторых из этих предметов помещены в книге проф. Машкура).

- 1 ^Dhal-[di]-ni uš-ta-a-bi ma-s[i] - n[i]-r^e [GİŞ šú]-ri-i-e
 ka-r[u-ni] ¹ka (?) -d[i]-a-ú-n[i] LUGÁL ^{KUR}pu-lu-a-di-r^e (?)-hi
 [b]a-b[a]-ni ^{KUR}e-ba-ni-e ^Dhal-di-ni ku-ru-ni-ni
^Dhal- [d] i- [ni (?)]-ni GİŞ šú-ri-i ku-ru-ni-ni uš-ta-bi
- 5 ^Dsar₅-du-ri-ni [¹a]r-giš-ti-e-hi-e
^IDsar₅-du-[ri]-še a-li-e ha-ú-bi XXI É. GAL^{MEŠ}
 XLV (?) (XLIV?) URU [MEŠ] IUD^{ME} āš-gu-¹bi [U]^{RU} li-ib-li-i-ú-ni
 URU LUGÁL-n [u]-si a-gu-nu-^rú¹(?)-ni gu-nu-šā ha-ú-bi
^IDsar₅-du-ri-ni LUGÁL DAN.[NU] LUGÁL al-su-ú-i-e
- 10 LUGÁL ^{KUR}. KUR^{MEŠ} LUGÁL ^{KUR} bi-a-i-na-ú-e a-lu-si^{URU} tu-uš-pa-URU

«Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил Каднау (?), царя горной страны Пулуади, Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Выступил (в поход) Сардури, сын Аргишти. Сардури говорит: завоевал я 21 крепость. 45 (или: 44?) городов я за один день захватил. Город Либлиу(ш), царский город, укрепленный, в бою я завоевал.

Сардури, царь могущественный, царь великий, царь стран, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города».

В начале надписи, в первой строке довольно ясно можно прочесть слова, которые входят обычно в трафаретную формулу, стоящую в начале урартских победных надписей: ... uš-ta-a-bi... [GİŞ šú]-ri-i-e, и, таким образом, здесь без труда восстанавливается вся эта формула. И хотя идентификация стоящих в самом начале первой строки клиньев с теми или иными знаками урартской клинописи довольно затруднительна, однако эта неточность автографии не может поставить под сомнение принятое нами в этой строке чтение.

Больше трудностей возникает при чтении 2-й строки, где после означенной трафаретной формулы стоит имя побежденного царя и название его страны. Чтение ka-[ru-ni] в начале данной строки — вне всякого сомнения. После пробела, указанного в этом месте в автографии проф. Машкура, стоит один вертикальный клин, обозначавший, по всей вероятности, детерминатив мужских имен. Следующий за ним знак скорее всего может быть ka, однако если допустить, что стоящий вслед за детерминативом (?) небольшой клин приводится ошибочно, то тогда предпочтение следует отдать знаку du. После этого довольно ясно выделяется комплекс, начинающий знак di, а затем в автографии правильно читается: a-ú. В указанном вслед за этим пробеле естественно восстановить ni, хотя бы потому, что переходный глагол kašni требует постановки объекта в падеже. Все же мы не уверены в правильности предложенного чтения этого имени, во всяком случае его начальной части.

Во второй части этой же строки легко читается pu-lu-a-di. Так как страна с таким названием упоминается в летописи царя Сардури II, сына Аргишти (речь идет о ее завоевании — см. УКН, 155, Е, стк. 3—18), то трудно сомневаться, что здесь стоит название именно этой страны. Это подтверждается также и тем, что несколько ниже, в 7-й строке нашей надписи, также ясно читается название «города Либлиуни, царского города» этой страны, который назван также «царским городом» страны Пулуади в вышеуказанном месте летописи Сардури II (УКН, 155, Е, стк. 11—12). Поэтому в стоящей перед этим названием группе треугольных клиньев мы можем усмотреть в первую очередь состоящий из трех тре-

угольников детерминатив названий стран, областей (KUR), а перед ним — состоящую из двух треугольников идеограмму LUGAL «царь». Остается один лишний клин, однако он, вероятно, принадлежит предшествующему знаку.

После названия страны puluadi в конце 2-й строки ясно выделяются знаки a-di, однако, так как наличие здесь «a» грамматически противоестественно, следует думать, что перед ним опущены два небольших горизонтальных клина, и поэтому здесь мы должны иметь не «a», а «e».

В начале 3-й строки как будто ясно различается комплекс ba-ni. Стоящий перед этим один вертикальный клин в таком случае может быть окончанием знака «ba». Таким образом, мы восстанавливаем слово ba-ba-ni «горный». Остальную часть строки нетрудно прочесть. В этом месте начинается, а затем в последующих строках (4—6) продолжается ряд трафаретных выражений: $\text{D}\text{hald}(\text{ni}) \text{kuruni}(\text{ni}) \text{D}\text{haldini}(\text{ni}) \text{Gis}\text{suri} \text{kuruni}(\text{ni}) \text{u}\text{stabi} \text{D}\text{sardurini} \text{Iargi}\text{stehe} \text{D}\text{sarduri}\text{še} \text{alie}$, в правильности чтения которых в нашей надписи трудно сомневаться. Правда, в отличие от других урартских текстов, слово kuruni, которое обычно пишется с одним «ni», появляется с двумя «ni», но мы в урартских текстах имеем один случай (в летописи того же Сардури II), когда это слово в данном трафаретном выражении также стоит в форме kurunini (УКН, 155, В, стк. 7 и 9).

В начале 4-й строки, после комплекса, обозначающего di, указан пробел, в котором следует восстановить знак «ni», так как и все остальные слова данного трафаретного выражения по сравнению с их обычным написанием имеют лишнее «ni» (см. выше о kurunini, а также транскрипцию соответствующего места надписи). Обычно эта трафаретная формула в урартских надписях встречается в виде: $\text{D}\text{hald} \text{kuruni} \text{D}\text{haldini} \text{Gis}\text{suri} \text{kuruni}$.

Текст надписи в сткк. 6 — 8 устанавливается также достаточно ясно. Правда, идентифицировать стоящие перед названием libliuni следы с каким-либо знаком на основании лишь автографии очень трудно, однако, так как несомненно, что здесь мы имеем дело с названием города (см. данное в следующей, 8-й строке определение «город царский», а также УКН, 155, Е, стк. 11—12), то и восстановление перед libliuni детерминатива названий городов, поселений (URU) не может вызвать сомнений.

Не совсем ясно чтение цифры, обозначающей количество «городов» в начале 7-й строки, однако здесь речь идет лишь о выборе между «44» и «45». Если все клинья, представленные в этом месте на автографии, на самом деле имеются в надписи (их неестественное расположение в автографии вызывает в этом отношении некоторые сомнения), то предпочтнее следует отдать чтению «45».

Вслед за стоящей после этой цифры идеограммой «город» также следует группа неясных знаков, однако, так как ясно, что мы здесь имеем неоднократно встречающееся в надписях трафаретное выражение I UD ME āš-gi-bi «за один день я захватил», то идентификация имеющихся в автографии фрагментов отдельных знаков с соответствующими знаками урартской клинописи удастся легко. Трафаретность урартских надписей помогает нам также при чтении довольно фрагментарно представленной на автографии 8-й строки.

Чтение последних двух строк, в которых упоминается царь Сардури, с характерной для урартских царей трафаретной титулатурой, не представляет каких-либо трудностей. Видимо, эти строки на скале особенно хорошо сохранились, и автография проф. Машкура в этом месте довольно точно воспроизводит текст оригинала.

Новая урартская надпись является интересным памятником истории Наири-Урарту. Хотя завоевание страны Пулуади и ее царского города Либлиуни, о чем рассказывает надпись, упоминается уже в известной летописи Сардури II, но до сих пор не было известно конкретно, о какой именно территории идет речь в данном случае, и, кроме того, наша надпись содержит некоторый дополнительный материал об этом походе урартийцев и о завоеванном ими при этом населении.

В летописи Сардури II там, где, согласно нашему восстановлению структуры летописи³, речь идет о событиях, происшедших в 747—745 гг. до н. э., рассказывается о тех же событиях, о которых речь идет в нашей надписи. В означенном месте летописи об этом сказано: «Сардури, сын Аргишти, говорит: взмолился (?) я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Бианили (о том), что я хотел (?) (совершить) по господнему величию во вражеских странах; прислушались (к моей просьбе) боги, открыли мне они дорогу. Я отправился, выступил я (в поход) против страны Пулуади. Пришло (войско врага) против меня (букв. передо мной) войной; отбросил я его, преследовал (?) до города Либлиуни. Город Либлиуни, царский город, укрепленный, в бою я завоевал. Надпись я там поставил. Города я сжег, страну разорил, мужчин (и) женщин я оттуда угнал. Крепости я там построил для могущества страны Бианили (и) для усмирения (?) вражеской страны. (Завоеванную) страну я к моей стране присоединил» (УКН, 155, Е, 3—18).

Новооткрытая надпись из Иранского Азербайджана, видимо, высечена во время завоевательного похода урартийцев в эту страну. Соответствующий же текст летописи составлен намного позднее. В последнем упоминается сам факт создания нашей надписи. Однако вместе с тем в нем нашли отражение также события, происшедшие после означенного похода урартийцев: урартийцы предприняли шаги, чтобы прочно обосноваться в этой завоеванной области, — построили крепости, в которых, несомненно, были поставлены урартские гарнизоны, и эту страну «присоединили к своей стране», т. е. превратили в урартскую провинцию. Это сообщение показывает, что где-то вблизи местонахождения надписи следует искать главное поселение («царский город») существовавшего в этой области объединения Пулуади — «город Либлиуни»; выясняется также, что в этом районе существовали собственно урартские крепости и, следовательно, можно ожидать и открытия их остатков.

Сопоставление этих двух надписей, повествующих о завоевании страны Пулуади, позволяет судить также о характере этой «страны». Эта последняя, по всей вероятности, не была особенно крупным объединением, — характерно, что составители летописи сочли излишним упомянуть «царя» завоеванной страны. Пулуади, вероятно, было одним из горных племен, жившим в северной части нынешнего Иранского Азербайджана. В новонайденной надписи специально подчеркивается, что Пулуади — «горная страна» (стк. 3). Также и количество завоеванных здесь «крепостей» и «городов», как нам кажется, подтверждает мысль, что мы здесь не имеем дела с крупным объединением. Речь идет о завоевании всего лишь 21 «крепости» и 45 (или 44) «городов», тогда как, например, в одной части страны Диаухи Аргишти I захватил 105 «крепостей» и 453 «города» (УКН, 128, В, 1), в стране Игани (у Чаддырского озера) Сардури II «за один день захватил» 35 «крепостей» и 200 «городов», в районе Севанского озера он же «за один день» захватил 120 «городов», взял также 20 «крепостей» (УКН, 155, F) и т. д.

³ Г. А. Меликишвили, Наири — Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 211—214, 227—228.

В отношении типов поселений наша надпись дает картину, аналогичную другим областям Напри—Урарту. И здесь различаются два основных типа населенных пунктов: «крепости» (E.GAL, букв. «дворец») и «города». Кроме того, среди крепостей выделяется центральное поселение данного объединения — «укрепленный царский город» (который приходится брать с боя) — резиденция главы (вождя) объединения. В данном случае таковым является «город Либлиуни». Как нами показано в другом месте ⁴, эти многочисленные «крепости» Напри—Урарту, которые десятками и сотнями захватываются урартскими войсками, несомненно, не располагали какими-либо значительными оборонительными сооружениями. Обычно под ними подразумеваются места, огражденные циклопической стеной, внутри которой иногда имелась также и цитадель. Такие пункты являлись местом убежища для населения, жившего в нем или вблизи него, а также его имущества (главным образом скота), при нападении малочисленного и слабо вооруженного войска соседних мелких родоплеменных объединений. Сам факт широкого распространения такого типа поселений является красноречивым свидетельством наличия характерной для родоплеменного строя раздробленности. С другой стороны, в этих же краях существовали также разбросанные вокруг таких укреплений мелкие населенные пункты сельского типа, лишенные всякого рода оборонительных сооружений. Они в урартских надписях упоминаются как «города» (поселения) — URU.

С развитием общественной жизни постепенно происходил процесс образования крупных и прочных союзов племен, а в некоторых районах даже раннеклассовых государственных образований. В таких условиях те слабоукрепленные поселения, которые в столь большом количестве были разбросаны на территории Напри—Урарту, теряли свое значение. В связи с этим происходило, с одной стороны, возникновение крупных крепостей с могучими оборонительными сооружениями, а с другой, быстрый рост количества мелких, лишенных всяких укреплений населенных пунктов сельского типа (URU).

С этой точки зрения интересно сопоставить обстановку, которую рисует наша надпись для данного района Иранского Азербайджана, с обстановкой, засвидетельствованной урартскими источниками в крупных объединениях, существовавших в то время в юго-западных областях Закавказья. Если в последних, согласно этим источникам, на каждую «крепость» приходилось в среднем пять-шесть неукрепленных поселений — небольших селений ⁵, то в стране Пулуади на каждую «крепость» приходилось всего лишь два неукрепленных пункта (URU) — в надписи называется 21 «крепость» и 45 (или 44) «городов» (поселений). Таким образом, в данном районе мы встречаемся с большим обилием слабоукрепленных поселений, в чем мы склонны усмотреть свидетельство большей родоплеменной раздробленности. Если в юго-западных областях Закавказья в данную эпоху преобладали крупные союзы племен и раннерабовладельческие государственные образования, то в юго-восточных районах Закавказья и в соседних областях развитие, очевидно, еще не достигло столь высокой ступени.

Конечно, включение этой области в состав Урартского государства, превращение ее в урартскую провинцию в середине VIII в. до н. э., о котором сообщает нам летопись царя Сардури II, должно быть, намного ускорило процесс общественного развития этого края.

⁴ М е л и к и ш в и л и, Напри—Урарту, стр. 334—340.

⁵ См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1955, стр. 88—89.

В связи с тем, что открытие новой надписи выяснило местонахождение страны Пулуади и ее главного поселения Либлиуни, нам кажется возможным обратить внимание еще на одно обстоятельство, позволяющее даже при том незначительном материале, который находится в нашем распоряжении, судить об этнической принадлежности населения этой области. Мы здесь имеем в виду то обстоятельство, что название главного поселения страны Пулуади имело, видимо, окончание *-iu* («ив»), типичное в то время для названий поселений на северо-восточной окраине Наири — Урарту, в районе Севанского озера и в соседних с ним областях ⁶. Как и во многих других случаях, «*ni*» в названии *libliuni*, возможно, является урартским формантом. В нашей надписи (которая, как мы видели выше, особенно усердствует при употреблении суффикса «*ni*» — снабжает те или иные слова двумя «*ni*» и там, где другие урартские тексты ставят лишь один «*ni*») название этого «города» стоит в качестве объекта при переходном глаголе и, следовательно, требует оформления в *ni*-падеже. В таком случае местной формой данного названия остается *libliu*. Правда, в летописи Сардури II исходной формой этого названия взята уже *libliuni*, а в контексте нашей надписи это название предстает перед нами не в форме *libliuni*, а в форме *libliunini* (УКН, 155, Е, стк. 12; ср. там же, стк. 11), но это, возможно, является результатом модификации, происшедшей на урартской же почве. Урартийцы, вероятно, часто прибавляли к иноязычным названиям широко распространенное в их языке окончание «*ni*» и затем рассматривали эту форму с «*ni*» как начальную, исходную для данного названия.

Что как раз с таким случаем мы сталкиваемся здесь, показывает тот факт, что именно в соседних с этой местностью краях мы встречаемся с распространением названий «стран» и «городов», оканчивающихся на «*iu*». В районе Севанского озера засвидетельствованы, например, названия: Иштикунив (*URU*iš-ti-ku-ni-ú) ⁷, Луерунив (*LU*e-ru-ni-ú; вариант: *KUR*lueruhi, очевидно, по ошибочному осмыслению *ni* в качестве форманта, а также в результате ассимиляции, происшедшей в этом последнем: *Chuehuh*) ⁸, Кам(а)нив (*KA*a-ma-ni-ú, *KA*-am-ni-ú) ⁹, Аидаманив (*KUR*a-i-da-ma-ni-ú-ni, полученное от *KUR*aidamaniu-ini) (УКН, 266, стк. 9), Аркукив (*AR*qu-qi-ú-ni, *KUR*ar-qu-qi(i)-ni, *AR*qu-qi-ni-e, возникшее, возможно, от *arqiqui-ini*) ¹⁰. Видно, что то же окончание имелось в названии главного поселения («царского города»), лежащего на западном побережье Севанского озера, крупного объединения Уеликуни. В надписи сохранилось лишь окончание этого названия []*riu* (см. УКН, 156, DI + DII, стк. 29 [*URU*] [1]-ti-ú-ni, видимо, в качестве объекта при переходном глаголе, таким образом, в *ni*-падеже).

В качестве общего, собирательного названия присеванских областей урартские надписи употребляют название *u(e)durietiu* (^u/_{hi}), т. е. эту область рассматривают как какую-то «Этиуни», как одну из составных частей Этиуни. Это последнее же подобно «Наири» ассирийцев (общего неопределенного обозначения территории, лежащей к северу от Ассирии), в урартских источниках употребляется в качестве общего, собирательного названия «севера» — обширной территории Южного Закавказья, начиная от района Карса и Чалдырского озера (на западе) вплоть до Севанского озера (на востоке). Характер этого названия довольно неясен. Оно, конечно, не является наименованием какого-либо политического образова-

⁶ М е л и к ш в и л и, Наири — Урарту, стр. 116—117.

⁷ УКН, 134, стк. 4.

⁸ УКН, 155, D, стк. 52; ср. УКН, 266, стк. 4; 156, DI + DII, стк. 6; 160, стк. 4.

⁹ УКН, 155, D, стк. 51; F, стк. 23.

¹⁰ УКН, 155, D, 50; F, 22; 161, 2 и 4; 266, 5.

ния. На этой территории, судя по надписям, имелось много независимых друг от друга объединений, имевших своих «царей». Скорее всего «Этиуни» (вар. Этиухи) какое-либо нарицательное имя или географическое понятие. Однако, так же как «Наири» не является ассирийским словом, а происходит, очевидно, от названия одной из стран Наири, лежащей к северу от Кашиарских гор хурритской области Nahría (или Nihria, ср. урартское Nibiriani — название главного поселения страны Арме)¹¹, так и Этиу(ни/хи) могло быть неурартским, местным названием. С этой точки зрения обращает на себя внимание то, что и это название как будто имеет окончание -iu (= -iw)¹².

В поисках языковой среды, которой мог принадлежать данный суффикс, наше внимание обращается к дагестанским языкам, в которых особенно часто встречаемся с оформлением топонимики на -ib (напр.: Гуниб, Цуриб, Кахиб, Арчиб, Галиб и т. д.). По морфологической функции мы здесь имеем одну из форм локатива, образованную посредством признака грамматической категории вещи «b» и наиболее часто встречаемого соединительного гласного «i». В этом отношении данная этно- и топонимика близка к древнеалбанской среде, так как в языковом отношении албанские племена принадлежат именно к северо-восточной, дагестанской группе иберийско-кавказских языков.

В корнеслове интересующих нас этнонимических названий также можно усмотреть ряд параллелей с древнеалбанской этнонимикой. Так, например, выступающее в связи с Присеванским районом название *uduri* (встречается с детерминативом племенных названий) давно уже сближается с названием одного из албанских племен — удов. Последние, согласно сведениям античных авторов (Страбон, Плиний, Клавдий Птолемей), были широко распространены на территории Албании, в настоящее же время сохранились лишь в нескольких селениях в соседних друг с другом районах Грузии и Азербайджана. Их язык принадлежит к дагестанской группе языков.

Название страны Эриа(хи) урартских источников (южная (?) или юго-западная (?) периферия которой находилась в районе совр. Ленинкана) сближают с названием известных из древнегрузинских источников «эров» (*herni*) — также, очевидно, одного из албанских племен, которое засвидетельствовано на нижнем течении р. Иори. В связи с этим можно отметить, что название единственного известного нам поселения страны Эриахи — *Irdani(ni)* (УКН, 133) также как будто имеет тот же суффикс -iu (-iw).

Вытекающий из всего вышесказанного вывод о наличии в восточных районах Этиуни албанских племен а *prigri* не является чем-то неожиданным. Ведь здесь речь идет о территории, непосредственно примыкавшей к Кавказской Албании и Мидии-Атропатене. Исследователи неоднократно высказывали предположение об однородности этнического состава населения этих двух областей и о «северо-восточном кавказском» характере его. Нельзя в связи с этим не указать на наличие ряда общих древних этно- и топонимических названий, с одной стороны, в албано-дагестанских областях и, с другой, в области Урмийского озера, например: главное поселение страны Зикирту Парда и Барда (Бардави) древней Алба-

¹¹ Дорога на север от Ассирии шла через эту область. Поэтому-то, очевидно, данное название и превратилось у ассирийцев в общее обозначение северных стран, севера — см. J. L e w y, *Studies in the Historic Geography of the Ancient Near East (Old Assyrian Caravan Roads)*, Or., 21, 1952, 4, стр. 407, 410 и др.

¹² «ni» или «hi» в этом названии, очевидно, являются суффиксами, присоединенными к нему урартскими, оформление его то «ni»-, то «hi»- суффиксами говорит именно об этом.

нии, название крупной прикаспийской области Андиа и аналогичные названия в современной топонимике Дагестана (под названием андийского известен также один из дагестанских языков и т. д.). Название манейского поселения Дурдукка (вар. Зурзукка) почти полностью совпадает с названием северокавказского (бацбийско-кистинского) племени дурдзуков и т. д.

Своим окончанием название упоминаемого в открытой в северных районах Иранского Азербайджана надписи «города» libliu обнаруживает близость к этой же языковой, этнической среде. Конечно, те моменты, на которые мы здесь обратили внимание, весьма малочисленны и, вероятно, не так уж многозначительны, однако, поскольку выводы, к которым мы приходим на их основании, не только не противоречат, но, наоборот, согласуются с выводами об этнической принадлежности древнейшего населения интересующего нас края, сделанными на другом материале, мы сочли возможным сделать их объектом внимания исследователей, интересующихся данным вопросом.



РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ